

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

КЕМЕРОВО 1972

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

**спасибо
сентябрю**

С Т И Х И

Кемеровское книжное издательство
1972

Небогатов М. А.

№ 39 Спасибо сентябрю. Стихи. Художник
Н. Кофанов. Кемерово. Кемеровское
книжное издательство. 1972.

180 стр. 10 000 экз. Цена 44 коп.

Более 25 лет работает в поэзии Михаил Небогатов. Он — автор восьми поэтических сборников, изданных в Кемерово. В предлагаемый читателю сборник «Спасибо сентябрю» автор включил, в основном, стихи, написанные за последние три года. В книге представлены все жанры, в которых поэт работает: гражданская и любовная лирика, переводы, эпиграммы, басни, пародии.

7—4—2

29—М—72

**«БЫЛОЕ И ГРЯДУЩЕЕ —
ВСЕ РЯДОМ»...**

РОССИЯ

Откуда начинается Россия?
Одни поэты пишут: от села,
От дедовской околицы;
Другие:
От заводской заставы, мол, пошла.
Не знаю я, найду ль единоверца,
Но верю в убеждение свое:
Россия начинается от сердца,
С рождения влюбленного в нее,
Влюбленного в народ простой и скромный,
Умеющий держать и плуг, и меч,
В заснеженный простор ее огромный
И в русскую пленительную речь,
Все в этой речи есть — и крепость перца,
И сладость ягоды, и горечь слез...
Россия начинается от сердца,
Влюбленного в бессмертный свет берез.

РОВЕСНИКАМ

Друзья мои в любой далекой дали,
Ровесники, я с вами говорю!..
Когда мы свет впервые увидели,
Четыре года было Октябрю.
Качались в зыбке. Бегали босые.
И ведать мы не ведали о том,
Что было счастье — жизнь начать
В России,
Уже идущей ленинским путем.
Казалось, мир где радио звучало,
Где под окошком клен в ненастье мок,
Всегда таким был, с самого начала,
Что быть другим каким-то он не мог.
Мы пили сок березовый. Взрослели.
И постигали сущность Октября...
Нам дорог был буденовец в шинели,
Тот, на цветной страничке букваря!
С каким вниманьем, сидя у печурки,
Смотрели мы при ламповом огне
На комиссара в кожаной тужурке

И на Чапая в бурке,
На коне!
Мы открывали заново впервые
Соседа, брата, дядю и отца —
Ведь вот они, участники живые
Недавних битв у Зимнего Дворца...
Гоняя мяч на школьном стадионе,
Мы походить мечтали на того,
Кто был готов к труду и обороне,
Носил значок спортивный ГТО.
Мы шли в мечтах на подвиг
Самый дерзкий,
Мы торопили бег горячих лет,
Чтоб снять скорее галстук пионерский
И комсомольский получить билет...
А старый мир увидели мы скоро,
Он, недобитый, рядом где-то был:
Взрывал завод, сжигал живьем селькора,
В декабрьский вечер
Кирова убил...
Но рос Октябрь Мигниткой,
Кузнецкстроем,
Колхозной рожью в поле шелестел.
На самолете с Чкаловым-героем
Октябрьский гром в Америку летел!
...Друзья мои! По светлому раздолью
Мы шли навстречу юности своей,
Но вместо песен выгало на долю
Услышать нам раскаты батарей.

И мы, юнцы, винтовки в руки взяли.
Как не гордиться, вспомнив этот час!
Что Октябрю верны мы —
Доказали
Своею кровью многие из нас.
И не по их ли славному примеру,
Тех, возле дзотов падавших солдат,
Шел открывать космическую эру
Гагарин, наш любимый младший брат?..
Нет, не погаснуть ленинскому стягу.
Он озаряет в мире все края.
Идут года...
Военную присягу
Уж принимают наши сыновья...

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Венок сонетов

*Ю. Д. Баландину,
фронтовину, журналисту*

1

Немалый путь — полвека за спиною.
Река годов стремительно течет.
Уже виски искрятся сединою,
Но жизни даль по-прежнему влечет.

Что сделал я, какие планы строю —
Наверно, время дать уже отчет...
Считаем юность лучшею порою,
С нее ведем делам своим отчет.

Пора весны, когда простор так светел
И так чиста небес голубизна,
Когда все внове, в диво, что ни встретил,
В груди — любви горячая волна!..

Но я весну не видел, не заметил —
В огне, в дыму прошла моя весна.

2

В огне, в дыму прошла моя весна.
Вовеки не забуду город Броды.
Нас на рассвете подняла война,
Пятная черным дымом неба своды.

Я это с нар увидел из окна
(Поныне вижу, хоть промчались годы):
Горел аэродром. И мы со сна
Не понимали всей беды невзгоды,

Что принесла нам свастика с крестом
На крыльях, распростертых над страной.
За край родимый свой, за отчий дом
Встал наш народ единою семьею...

Вступая в жизнь в том возрасте моем,
Пусть сыновья не встретятся с войною!

3

Пусть сыновья не встретятся с войною,
Из армии ушедшие в запас.

Пусть остается вечно запасною
Их форма, что в шкафу лежит сейчас.

Но если призовет страна их к бою,
Я, как и все, скажу им: — В добрый час!
Год сорок пятый солнечной весной
Солдатских сыновей для жизни спас.

Для них открыты двери институтов,
Их на заводах, стройках ждет страна.
Пусть в Мае только звездами салютов
Волнует нас минувшая война.

Кто за войну, тех ненавидим люто.
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.

4

Трудом, любовью, дружбой жизнь красна.
Как ни красив подчас боец с винтовкой —
Красивее в любые времена
Рабочий у станка, косарь с литовкой.

Особой величавости полна
Работа с вдохновеньем и сноровкой.
Всегда кого-то радует она,
Дитя — игрушкой, девушку — обновкой,

Любителя искусств — звучаньем стрóf,
Народной песней, пляской озорною...
Как в юности, заслушаться готов
Я пеньем соловьиным над рекою.

Готов всю ночь бродить среди цветов...
Прекрасно утро мирной тишиною.

5

Прекрасно утро мирной тишиною,
Когда отчетлив, резок каждый звук...
Вот лось прошел неспешно к водопою —
Вода речная заплескалась вдруг.

Вот стриж простриг пространство над рекою,
Со свистом прочертил над нею круг,
Как «мессершмитт» той памятной порою,
Что учащал тревожный сердца стук...

Но прочь о давних днях воспоминанья!
Пусть торжествует мира тишина!
Вот трактора глухое рокотанье
За речкой в поле, где во ржи сосна...

Люблю с природой тихое свиданье.
Мила душе родная сторона.

6

Мила душе родная сторона
С тропой во ржи, с зеркально гладким
плёсом,
С журчащим родником, что чист до дна,
И с лугом, где раздсьлье пчелам, осам,

И с рощей, где березок белизна
Над пряным разнотравьем, над покосом,
Когда сквозит тумана пелена
И тает в пенье птиц разноголосом...

Куда б ни ездил, где бы ни бывал,
Горжусь своей родною стороною.
Я защищал ее и воспевал
Простою задушевною строкою...

И вот уж осень — новый перевал.
Как нежно светит солнце над стернею!

7

Как нежно светит солнце над стернею,
Где буйно наливалась летом рожь.
Я эту нежность чувствую щекою,
Я счастлив, что осенний день погож.

Он дышит жаркой сухостью степною,
Где паутинок серебристых дрожь.
Он из оврагов сыростью прибною
Порою веет. Дождик был хорош!

Спокойное, чуть знойное приволье.
Здесь удила не сдержат скакуна.
И путь, что позади, — как это поле,
Где будущего зреют семена.

Отсюда, где дыханье ветра, воли,
И та и эта даль насквозь видна.

8

И та и эта даль насквозь видна.
Былое и грядущее — все рядом.
Одно — как скрипки чуткая струна,
Другое — воет бомбой и снарядом.

Еще у скрипки песня не одна.
Еще звучать ей песенным каскадом.
Лишь только б в мире новая война
Не разнесла ее тупым прикладом...

С годами к нам приходит мастерство,
Самих же нас нередко удивляя.

И так сберечь нам хочется его,
Как колосок большого урожая.

Мне большего не надо ничего:
Прекрасна эта осень золотая.

9

Прекрасна эта осень золотая.
Есть кое-что и в наших закромах.
Желанье есть и жажда молодая
Трудиться не спеша, не впопыхах.

Есть песня не заемная, чужая,
А кровная, добытая в боях.
Есть даль, которой нет конца и края,
Где снежный блеск и летний луг в цветах.

Есть дума, что поведать людям надо,
Для них, как дверь, я душу отворю.
От злого, от завистливого взгляда
Хотел бы сохранить свою зарю...

Есть в возрасте моем своя отрада.
Распахиваю сердце сентябрю.

Распахиваю сердце сентябрю
 Бестрепетно, доверчиво, открыто.
 — Привет, сентябрь! — с улыбкой говорю.
 Не все войною страшною убито.

Мы юность посвятили Октябрю.
 Не может быть такое позабыто.
 С непониманием на людей смотря,
 Кому свое лишь дорого корыто.

Поэтам замыкаться не к лицу.
 Живем, все к сердцу близко принимая.
 Коль боль пришла к какому-то крыльцу,
 Она и нас тревожит, обжигая...

Мир солнышку, лазури, багрецу!
 Звенит земля, вся светом залитая.

11

Звенит земля, вся светом залитая.
 Звенит зерном в колхозных бункерах,
 Составом с углем, в даях замирая,
 Рубином звезд сияя на копрах.

Звенит, ракетой новой улетаю,
 Чтоб осветить простор в иных мирах,
 Чтоб нам сдалась Вселенная седая,
 Другам на радость и врагам на страх.

Звенит тайгой, где бородач-геолог
 Смеется: — Трассу новую торю!
 А было: так звенел-свистел осколок,
 Чей посвист был нацелен в грудь мою.

Осколок тот вонзился в ближний колок...
 За счастье жить судьбу благодарю.

12

За счастье жить судьбу благодарю,
 О юности израненной не плача.
 Душой по-молодому вновь горю.
 А было очень трудною задачей

Не очерстветь, не огрубеть в бою,
 Не потерять к добру любви горячей.
 Но мы в победу верили свою.
 Мы знали: будет так, а не иначе.

А скольким уцелеть не удалось!
 Мы хоронили их, сердца сжимая,

На недруга обрушивая злость,
Предвидя праздник солнечного Мая.

Земля, где проливать нам кровь пришлось,
Люблю тебя, земля моя родная.

13

Люблю тебя, земля моя родная,
За то, что вижу солнце над тобой,
За то, что, в сквере весело играя,
Детишки гомонят наперебой.

Люблю тебя, о детстве вспоминая,
Что бегало над речкой голубой,
Где на заводе старом проходная
С утра гудит рабочею толпой.

Люблю за все печали и тревоги,
Что были — и ни капли не корю,
За трудные военные дороги.
Как мать, люблю, как мать, боготворю.

И в час, когда уж осень на пороге,
Венок сонетов я тебе дарю.

14

Венок сонетов я тебе дарю.
Прими его, коль он тебя достоин.
Про все в нем откровенно говорю,
Как сын твой рядовой, как бывший воин.

Я в мудрые глаза твои смотрю.
Ты рядышком со мной. И я спокоен.
Я для тебя, земля моя, творю,
Тобою этой чести удостоен.

Прими его, родная сторона,
С любою, самой скромною строкою.
Была бы только в ней душа видна —
И тем доволен буду я, не скрою.

Жизнь — счастье, коротка или длинна...
Немалый путь — полвека за спиною.

15

Немалый путь — полвека за спиною.
В огне, в дыму прошла моя весна.
Пусть сыновья не встретятся с войною!
Трудом, любовью, дружбой жизнь красна!

Прекрасно утро мирной тишиною.
Мила душе родная сторона.
Как нежно светит солнце над стернёю!
И та и эта даль насквозь видна.

Прекрасна эта осень золотая.
Распахиваю сердце сентябрю.
Звенит земля, вся светом залитая.
За счастье жить судьбу благодарю.

Люблю тебя, земля моя родная.
Венок сонетов я тебе дарю.

ЭТО БЫЛ КОММУНИСТ...

Смерть глаза нам слепила —
На бегу залегли.
Невозможно нас было
Оторвать от земли.
Но над грудью земною
Встал один, не речист,
Встал: — В атаку! За мною!
Это
Был
Коммунист...
Объявил репродуктор:
— Спутник в космосе! Наш!
Молча Главный Конструктор
Отложил карандаш.
И, волненья не пряча,
От усталости мглист,
Глянул в небо: — Удача!
Это
Был
Коммунист...

Был апрель лучезарен.
Ветерок легкокрыл.
И улыбчивый парень
Люк «Востока» закрыл.
В ливне вешнего света —
Только грохот и свист.
— Человек над планетой!
Это
Был
Коммунист...

РУССКИЙ ПОКЛОН

Случилось то в селе далеком,
Куда я, праздный отпускник,
Попал однажды ненароком —
Искал попутный грузовик.
Был полдень. Время золотое —
Сады в черемушном дыму.
Шагаю тихо. Кто я, что я —
Здесь неизвестно никому.
И удивился я, не скрою,
Когда степенный встречный дед
Вдруг снял картуз передо мною,
Как мой знакомец с давних лет.
Иду. Старушка мне навстречу:
И вновь — почтительный поклон.
Мол, кто б ты ни был, человече,
Живи и здравствуй, в мир влюблен.
И вроде больше стало света,
И зацвели сады пышней
От задушевного привета
Проживших долгий век людей.

Запомнив их простые лица,
Я шел и сам себя стыдил:
«Не ты ли первым поклониться
Обоим им обязан был?»
Тут не приличие, не мода,
А чуткость вместе с добротой —
Душа российского народа,
Его характер золотой.

РОДНЫЕ ПРОСЕЛКИ

Привык я к блеску площадей,
К асфальту этому, к трамваю,
И все же в сутолоке дней
Иных дорог не забываю.
Большая радость — пронести
Сквозь все заботы и тревоги
Любовь к отцовскому пути,
К простой проселочной дороге.
Один ее знакомый вид
С тысячелетним прахом-пылью
Так много сердцу говорит,
Такою русской веет былью...
Она ползет среди полей
То в черноземе, то в суглинке.
Темнеют трещины на ней,
Как на родном лице морщинки.
Не знали деды и отцы
Про мостовые и панели...
Зимой звенели бубенцы,
А кандалы весь год звенели...

В глухое время, в дни незгод
С мечтой о светлых кущах рая
Гудел печалью крестный ход,
Хмельному попику внимая.
Ступали лапти в эту пыль
И кривобокие обутки.
Стучал здесь посох и костыль,
И плач звучал, и прибаутки.
Как шрам глубокий — колея...
Тут, по репейнику густому,
Тень партизанского ружья
Скользнула в знойную истому.
Здесь был проселкам поворот,
И мы просторы увидали.
Отсюда ввысь
И вдаль, вперед
Пошли все наши магистрали!

НА ПЕРЕДОВОЙ

Солнце — высоко над головою.
Зной плывет, струится над землей.
Ты лежишь, прислушиваясь к вою
Мин, летящих прямо над тобой...
Говорят, попав на фронт впервые,
Все во власти страха каждый час.
Не страшны, мол, грозы фронтовые
Тем, кто в бой идет не в первый раз.
Мол, привычка... Ерунда! Не верьте.
Фронт — он фронт, не летняя гроза.
Как же так привыкнуть можно к смерти,
Если даже смотришь ей в глаза?
Смерть повсюду — в тонком свисте пули,
В вое мин, который душу рвет,
В жутких взрывах бомб, в моторном гуле —
Смерть тебя на каждом метре ждет.
Кажется, все пули и снаряды
Именно в тебя, в тебя летят...
Хорошо, что кто-то дышит рядом,
Незнакомый, но родной, как брат.

Вот опять от пушечного аха
По спине мурашки... Вот опять...
Всем несладко. Но сильнее страха
Чувство долга: надо воевать!

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Когда земля цветет лучистым маем,
А дни его — опнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей, и вдов.
Живут врагами даже не забыты
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жестко и упрямо,
Фронтовиков сужается все круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года —
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Неужто впрямь случится так когда-то —
Все порастет, как говорят, быльем,
И, кроме Неизвестного солдата,
Не вспомнят больше люди ни о ком?

Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика —
Земля их не забудет
Под вечным солнцем, в мире тишины.
Земля о них расскажет, в блеске росном,
Любой высоте — памятник живой:
Где взрыв чернел фонтаном смертоносным —
Весной березам вспыхивать листвою!
Не раз Россия в будущие годы
Почтит их память громом майских гроз
У вечного огня самой природы —
У пламени зеленого берез.

ЛУНА

По домам, деревьям, в снег одетым,
Разливает сумрак синеву.
Лунный свет с фонарным спорит светом.
Зимний вечер — сказка наяву.
Воздух в блестящих, с запахом весенним.
У домов с узорами ветвей —
От луны расплывчатые тени
И чуть-чуть темней — от фонарей.
В эту сказку зимнюю влюбленный,
Слышу голос девушки. Она
Смотрит вверх как будто изумленно.
— Ах, какая славная луна!
И с чего — не знаю, только снова
Вспомнил ночь далекую одну...
В тишине, нахмурившись сурово,
Проклинали злобно мы луну.
Вот сейчас в немецкой обороне
Нас заметят. И — плохи дела.
Под лунной мы все — как на ладони.
Рассиялась глупо. Предала!..

Много мирных солнечных рассветов
С той поры вставало над землей.
Верный друг влюбленных и поэтов,
Лунный диск, свети во тьме ночной!
Пусть никто тебя не проклинает,
Пусть всегда, в любые времена,
Чей-то голос тихо восклицает:
— Ах, какая славная луна!

СВЕТ В ОКНЕ

Ночь. Метель укрыла город.
Только ветра буйный бег.
Снег летит в лицо, за ворот,
Залепил ресницы снег.
Ты промерз, устал в дороге,
И мечтаешь об одном —
О родном своем пороге
В снежном городе ночном.
И какое это счастье —
За углом, где так темно,
Сквозь метельное ненастье
Увидать свое окно!
Свет горит, и в ярком блеске,
Где кружится, вьется снег,
Силуэт на занавеске —
Ждет любимый человек.
И, растроганный немножко,
В кутерьме до самых крыш,
Ты на светлое окошко,
Как на родину, глядишь.

Вспоминаешь, как до дрожи
Стыл ночами на войне,
Ничего не знал дороже
Света мирного в окне.
В небе сумрачном, тревожном
Бились всполохи ракет,
И казался невозможным
Этот милый теплый свет...

РОДНОЕ

Брату Григорию

Помню, брата просил я: — Сыграй-ка!
И, присев на завалинку, он,
Вновь настроив свою балалайку,
Рассыпал мелодический звон.
То «Подгорной» с весельем задорным
Звонко струны смеялись в тиши,
То задумчивым вальсом минорным
Проникали до самой души.
Слушал я, бесногий мальчишка,
Приоткрыв от волнения рот...
Вот и новая в памяти вспышка:
Мать «Лучинушку» тихо поет.
Зимний вечер синеет в оконце.
Вьюжный ветер в калитку стучит.
И кружится, жужжит веретенце,
И печальная песня звучит...
А еще вспоминаю двухрядку
Днем весенним в руках жениха.

Даже бабы пускались вприсядку,
Лишь рванет золотые меха!
И от праздничных звуков гармошки
Все светилось, искрилось кругом —
Солнце, лужи и девичьи брошки,
И сапожный сверкающий хром...
Край российский, с метелью холодной,
С полыханьем цветов на лугу!
Без гармошки, без песни народной
Я представить тебя не могу.

* * *

Нет мысли, думы, чувства ли такого,
Чтоб не сумело выразить их слово.
Но иногда в задумчивой тиши
Молчание — как громкий крик души.
Вот дом. Крыльцо.
Окно с поблекшей рамой...
В последний раз я виделся тут с мамой.
Уже моя в седирах голова...
Ах, как мертвы, ничемны все слова!..

ШАХТЕРСКАЯ МАТЬ

Он шахтер. Нет почетнее званья.
Мастер трудных подземных дорог...
А для матери просто он — Ваня,
Дорогой и любимый сынок.
С добротой своей неизменной
Все хлопочет. Все хочется ей,
Чтоб поел хорошо перед сменой,
Чтоб оделся сынок потеплей.
И хотя возмужал он и вырос,
Для нее он по-прежнему мал...
Не простыл бы — в забое-то сырость,
Не сплосал, не попал бы в завал...
Так в ночное когда-то в тревоге
Провожала (позвали друзья):
Не упал бы с коня на дороге,
Не стрельнул бы в себя из ружья...
Сын и в славе уже и в почете,
А в душе она держит свое:
В материнской любви и заботе
Все нуждается Ваня ее..

* * *

Придет весна — мы думаем о лете,
В метель и стужу грезим майским днем.
Что там, вдали?..
Вставая на рассвете,
Всегда чего-то нового мы ждем.
И так несильно это ожиданье
Каких-то нам неведомых чудес,
Что даже в дни седин и увяданья
Не угасает к жизни интерес.

„ПОКА ЗАВИДОВАТЬ УМЕЮ...“

ВЕСЕННЕЕ

Еще белы снегов постели,
А теплый южный ветерок
По белизне метельной стелет
Холстины темные дорог.
Еще ручей нигде не булькнул,
В снегу и крыша, и крыльцо,
Но каплю первую
Сосулька
Мне уронила на лицо.
Еще не дружит солнце с небом —
Все небо в хмури навесной, —
Но тонко пахнет влажным снегом,
Не просто снегом, а весной!
...Весна — как счастья ожиданье...
Все раньше,
Вспыхнув над тайгой,
Выходит солнце на свиданье
С еще завьюженной землей.
Собрав лучей свсих ватагу,
Она у леса, у реки

Бросает смело их в атаку
В штыки
На снежные полки!
И каждый полк —
В полях, на скатах —
Тисками жаркими зажат.
Сугробы в белых маскхалатах
К земле прижатые, лежат.
Разведчик-ветер донесенье
Принес вчера, слетав на юг:
По всей России день весенний
Штурмует бастионы вьюг!

АПРЕЛЬ

Еще ледок хрустит утрами —
Его съедает, гложет злость,
А у меня в оконной раме
Сияет солнце — ранний гость.
Еще в деревьях стынут соки,
Среди садов голым-голо,
А возле дома на припеке
Почти по-летнему тепло.
Над ручейками — снега глыба.
Уже недолго ей висеть:
Зима холодная, как рыба,
Попалась в солнечную сеть!

МАИНСКИЙ СНЕГ

Старый снег, слоистый, темно-серый
Ручейками смывает, сошел навек.
Вдруг на крыши, на дороги, скверы
Выпал белый-белый майский снег.
Заявился с холодом и с ветром,
Но своею чистой белизной
Он о чем-то праздничном и светлом
Молча разговаривал с весной.
А когда сошел он без помарок,
Увидали мы сквозь синеву,
Будто неожиданный подарок,
Молодую сочную траву!
И как будто не было отсрочки, —
Вновь лучи сиянье миру шлют.
А на ветках выстрелили почки,
Словно маю отдали салют!

* * *

По весне, когда благоуханно
Буйствует черемуха, сирень,
Почему-то кажется всегда нам,
Что далек, далек осенний день.
И представить как-то даже трудно,
Что немного времени пройдет —
Станет желтым то, что изумрудно,
Станет блеклым то, что так цветет.
Да и что тревожиться об этом,
Если мир сияет синевой,
Если с благодатным, щедрым светом
Солнца шар встает над головой!
...Но глядишь — уж пламя бьет из сада,
А заря над садом все бледней...
Забывать об осени не надо.
Ведь не так уж много летних дней...

ГРОЗА

Потемнело облако над домом,
Ослепила молния глаза,
И тотчас же раскатилась громом
Буйная, веселая гроза.
Хлынул крупный дождь, подобный чуду,
С ветром налетел издалека.
Будто бы непрочную запруду
Прорзала небесная река.
Вот уже не дождь, а ливень шумный,
Полный молодых и щедрых сил,
Бесшабашный, озорной, бездумный
Все вокруг
Собой заполонил.
По асфальту, по садовой стезжке
Хлестко льет он
В слюдяном дыму.
И деревья листики-ладошки
Подставляют радостно ему.
Порезвился весело на воле,

Побуянил ливень миг-другой
И за город, вдаль, куда-то в поле
Убежал
Под радугой-дугсой!

ЯГОДЫ

Зноем лес распарен.
Полдень спит в листве.
Девушка и парень
Бродят по траве.
Тени. Солнца блики.
На цветке — пчела...
Радостные вскрики:
— Вот еще! Нашла!..
С корня земляничка —
Не в пыли с лотка.
Капля-невеличка,
А уж как сладка!
В туюське б оставить —
Там не скрыло дна,
Да во рту растаять
Просится она...

МИТЮ ВИДЕЛ?

Бор — зеленая обитель.
Словно сосны,
День высок.
— Митю видел?
Митю видел? —
Звонкий птичий голосок.
Кто такой он, этот Митя?
Чей, кому товарищ, брат?
Но, как в детстве:
Видел, видел! —
Я ответить птичке рад.
Митя — друг ее, наверно.
А иначе для чего
Ей тревожиться безмерно,
Знать, не видел ли его...

КОЛОСОК

В глубоком кювете,
Что лег через лог,
Как память о лете,
Лежит колосок.
Он хрупок и тонок,
Промок от дождей —
Забутый ребенок
Осенних полей.
Судьба одиночек —
Вздыхай да тужи.
Грустит колосочек
О золоте ржи,
О теплой сушилке,
О братьях своих...
Один на развилке
Дорог полевых.

ПЕРЕПЕЛКА

Опустело на проселке,
Спит охотник у костра.
Только голос перепелки
Не смолкает до утра.
Только ей одной забота:
Всю-то ночь, как будто мать,
Непослушного кого-то
Уговаривает спать,

СОСЕДКА

Как приятно мне от мысли,
Что ты рядышком живешь
И на гибком коромысле
Воду бережно несешь.
Не гляжу я даже вроде,
Только слышу в эту тишь,
Как ты ходишь в огороде,
Звонким ковшиком гремишь...
Пусть и видимся мы редко,
Но светла моя судьба
Оттого, что ты — соседка,
Что вблизи твоя изба.
...А сегодня в час заката
Я подумал без причин:
Вдруг уедешь ты куда-то,
Вдруг останусь я один?
Сразу тучи потемнели,
Стала рожь невесела,
Будто ты и в самом деле
Уезжаешь из села.

* * *

Как легко, как звучно, бодро, весело
Под откос летит колесный стук!
Вот рябинка свой поклон отвесила,
Будто ты ей старый добрый друг.
Вот мелькнула будка придорожная,
Стрелочница вскинула флажок —
И открылась красота таежная,
День осенний радугу зажег.
Это что-то вправду небывалое,
Сказочное что-то наяву:
Красное, оранжевое, алое
С зеленью
Впаялось в синеву...
Будет снег, мороз сорокаградусный,
Но и там останется со мной
Этот свет, ласкающий и радостный,
От осенней радуги лесной...

СТОГА

Вдоль реки, где веточки черемух
В эти дни — как черные рога,
В медно-рыжих сказочных шеломах
Разбрелись усталые стога.
Разбрелись и стоя задремали,
На Стожары грузно опершись.
А кругом простор, сквозные дали,
Ветер так и носится — держись!
Ветер крутит все, что худосочно,
Все, что от земли оторвалось.
А они стоят спокойно, прочно,
Как стоять в России повелось.
Им просторы эти очень любы,
Им луга родные так близки!
Сеет дождь, и ветер хлещет грубый,
А стога не ведают тоски.
Снятся им зеленые тропинки,
Звон литовок, мокрых от росы...
Шевелятся тонкие былинки,
Как в улыбке рыжие усы.

Снится то, что было знойным летом:
Ранней зорьки нежная краса,
Земляника, девушка с букетом,
Косарей веселых голоса...
Низко-низко тучи проплывают,
Как коровьи тучные бока.
Спят стога и с радостью вдыхают
Из деревни запах молока.
Спят они, все в инее к рассвету,
И все ближе солнышко к стогам —
К величавым памятникам лету,
Ливням, свету, скошенным лугам.

СЕЛЬСКИМ ДЕВЧАТАМ

К вам, девчата сельские, с поклоном
Обращаюсь нынче я в стихах,
К смуглым от загара, запыленным,
В курточках, надетых впопыхах.
Вашей восхищаюсь красотой —
Яркостью румянца зоревой,
Взора бирюзовой чистотой,
Прелестью улыбки озорной.
Ставлю ваши руки золотые
С запахом полыни и земли.
Жаль ли, нагружать им не впервые —
Старые мозоли не сошли.
Есть во что вам в праздник наряжаться.
Но и в скромных стеганках своих
Можете вы смело потягаться
С блеском всех красавиц городских.

И от этого доброго
Синего-синего взора
Хорошо на душе,
Хорошо на равнине степной...

* * *

За селом, где стога,
Где прощально разносятся звуки
Журавлиной печали,
На юг зазывающей в путь,
Распростерлись дороги,
Как будто усталые руки
Хлебороба, который
Прилег от трудов отдохнуть.
Мерно прудь его дышит —
Равнина земная,
Как щетина, стерня —
Он давненько не брился, оброс.
Над березовым колком
Склонилась заря золотая,
Как над шапкой
Его золотистых волос.
В вечереющем свете
Дремотно мерцают озера,
Как глаза молодые,
Что теплятся синью густой.

РУЧЕЙ

*Борису Васильевичу
Демидову*

Как сердце радуется ручей
С его упрямым, звонким бегом,
В сиянье солнечных лучей
Внезапно вспыхнувший под снегом!
Открыт он в мире для всего.
Сверкает, небо отражая.
Простая песенка его —
До дна своя, а не чужая.
Своим путем,
Простор любя,
Несет свободно радость, грусть ли,
Чтоб подарить навек себя
Реке в ее извечном русле...

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Шел человек полями и лесами.
Смотрел на мир влюбленными глазами,
Искал слова, чтоб людям рассказать,
Как хороша земля его родная
И в зимний день, и в день цветущий мая,
Как в этом мире радостно дышать.
Слова теснились пестрою гурьбою —
С листвою, с цветами, с речкой голубою,
С машинным гулом, с запахом хлебов.
Но все, что в сердце искрилось и пелось,
Не так звучало, как того хотелось,
И легких крыльев не было у слов.
А где-то в поле, памятном от века,
Счастливым взор другого человека
Впивался жадно в ту же красоту.
Его любовь мелодию рождала,
Да только слов ей нужных не хватало,
Чтоб полететь, окрепнув на лету.
И, уловив минуту дорожную,

Одна душа услышала другую —
Как глубока их родственная связь!
Словам дано привольное звучанье,
А смутным звукам — точное названье.
Поют.

Ты слышишь?

Песня родилась!

* * *

Уже давно он признан нами
Как мастер дела своего,
А все, бывает, временами
Грызут сомнения его:
Да так ли сделана работа,
Чтоб показать ее на свет,
А может, лишнее в ней что-то,
А может, в ней чего-то нет?..
И вечно это беспокойство,
Стремленье заново дерзать.
Знать, таково таланта свойство —
Себя сомненьями терзать...

ОПЫТ ЖИЗНИ

Опыт жизни — горный перевал,
На котором с грустью и тревогой
Не один под старость горевал
Оттого, что шел не той дорогой.

* * *

О чем-то мне подумалось когда-то,
И если мысль заветною была,
Она со мной до самого заката
Останется, по-прежнему светла.
Среди других привычной и желанной
Всю жизнь она идет со мной вперед,
Хоть, может, интерес свой первозданный
Давно уж потеряла. А живет...
Иное — чувства. Чаще их утрата.
Не все из них проносим сквозь года.
Всю душу всколыхнувшие когда-то,
Сегодня вдруг исчезли без следа.
Пусть сердце задыхается от жажды
Вчерашних бурь, волнений и тревог,
Но чувства, пережитые однажды,
Не знают к нам из прошлого дорос.
Еще вчера и горячи, и колки,
Они тебя тревожили всего,
А нынче — как холодные осколки,
Что вынуты из сердца твоего...

В успех недаром верить смею:
До той поры он мне родня,
Пока завидовать умею
Тем, кто талантливей меня.

* * *

Да, всякая бывает зависть...
Должно быть, как несчастен тот,
Кто, на добро чужое зарясь,
Вздыхает ночи напролет...
К чинам, машинам и сервантам
Я равнодушен с давних дней.
Но с доброй завистью к талантам —
Не утаю, знаком я с ней.
Она кому-то жить мешает,
Лишая радости в труде,
А мне уверенность знушает,
Что и моей гореть звезде.
Лишь только зависть встрепенулась
Цветком весенним на лугу,
Глядишь — душа уже проснулась:
А вдруг и сам я так смогу?
И рифмы строятся попарно,
И груз труда смелей несешь,
Чтоб тоже вышло не бездарно,
Не так хоть здорово, но все ж...

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЬЮГА

Снежный ветер бьет по сенцам,
По калитке, по крыльцу.
Словно мокрым полотенцем,
Ударяет по лицу.
Заморожен звон капли.
Гнется клен. Гудит сосна.
Невдомек им: неужели
Обманула их весна?..
Где ручьи журчали громко
У окошек на виду,
На коньках своих
Поземка
Ловко катится по льду...
Час и два шумела глухо,
С ветром бешеным неслась —
И внезапно завируха
На глазах оборвалась!
Плотной белою стеною
От небес и до земли
Вместе с облачной толпою

Скрылась, канула вдали.
Вновь над мирною деревней
В чистом небе синева.
Отряхнуть спешат деревья
С веток снега кружева.
Каплет с них. И капли-точки,
Прежде чем с ветвей упасть,
Набухают, словно почки,
Наслаждаясь солнцем всласть!

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТОК

Из далекой из Ясной Поляны
Вместе с грустью задумчивых строк
Получил я от друга нежданно
Золотистый кленовый листок.
Угловат, невесом и неярк,
Отзвенел на ветру и увял...
Но как дорог мне этот подарок,
Как он сильно меня взволновал!
С юных лет представлял я Толстого
Мудрецом, величайшим творцом.
Для меня он был вроде святого
С бородатым и строгим лицом.
А сегодня живого живее
Я увидел властителя дум
Просто старцем
На летней аллее,
Где и солнце, и лиственный шум.
Одиноким раздумий любитель,
Он гуляет. Вблизи никого.

И зеленая эта обитель —
Не музей, а усадьба его.
Вот присел на скамейку под кленом
В светлом мире деревьев и пчел,
Вскинул брови и взглядом влюбленным
Все вокруг, как хозяин, обвел.
...Скрылось солнце.
При ламповом свете
Он опять за столом, над строкой,
И уже не старик в кабинете,
А бессмертный художник Толстой!
Льну глазами к листку золотому.
Затаенно гляжу не дыша.
Вновь как будто к чему-то святому
Прикасается тихо душа.

ПРОХОЖИЙ

Он с тобой лишь обменялся

взглядом.

Никаких он слов не говорил,
И ушел — и все как будто рядом,
Взволновал и чем-то покорил.
Даже странно: сотни тут прошли же,
Только этот — в памяти твоей...
Хорошо б узнать его поближе.
Может, друга не было б верней.
Но не будет ничего такого,
Хоть жалея, хоть не жалея о том:
Вряд ли, вряд ли встретитесь вы снова
В многолюдном городе большом...
Все равно приятны встречи эти.
Льет ли дождик, порошит ли снег,
Хорошо, что он живет на свете,
Симпатичный, милый человек.

ДРУЖОК

Он рад со мной случайной встрече,
А коль не виделись давно,
Обнимет ласково за плечи,
Все в нем участия полно —
И взгляд, и голос, и улыбка,
Дружок, не скажешь ничего.
Но знаю, знаю я, как зыбко
Доброжелательство его...
Я не хотел ходить бы в судьях,
Но стонет строчка под пером
Из-за того, что часто в людях
Зло уживается с добром.
И сам я в чем-то слаб, не скрою,
Не идеальный человек,
Но как сосет тоска порою
По другу, верному навек.
Чтоб не страшна была с ним рядом
Любая тяжесть и проза,
Чтоб мед не смешивал он с ядом,
Был друг в глаза
И за глаза...

* * *

Нет личности, похожей на другую,
Как те окошки в городском дому.
В любом из нас черту найдем такую,
Что лишь тебе присуща одному.
Даются нам для взлета, восхожденья,
Как жест неповторимый или смех,
Привязанности, взгляды, убежденья,
Характеры, отличные от всех.
У каждого свой подвиг есть великий,
У каждого есть мелкие грехи...
Но как иные схожи и безлики,
Когда возьмутся сочинять стихи!
Не зря на муки творчества мы ропщем
Ох, до чего же трудно, боже мой,
Быть в слове независимым, необщим,
В стихах, как в жизни,
Быть самим собой...

ПАРОВОЗНЫЙ ГУДОК

Паровозный гудок...
Это значит —
Одиноким седой человек
У вагона на станции плачет,
Расставаясь, быть может, навек...
Паровозный гудок.
Это значит —
Ощущая большую любовь,
Кто-то счастья при встрече не прячет,
Обнимая желанного вновь...
Паровозный гудок...
Это значит —
Семафор открывая в простор,
Чей-то день удивлением начат
Перед синью лесов или гор...
Может, просто гудит маневровый
Паравозик, на месте топчась,
Но как остро дорогою новой
Начинаем мы презить тотчас!

Слышишь, эхо веселое скачет:
По полям, где ромашка цветет?
Паровозный гудок!
Это значит
Ветер жизни, движение вперед!..

В мире яркие краски все те же.
Но всему свой положенный срок.
Как мне жаль, что все реже и реже
Слышу я паровозный гудок!..

ТУМАН

Ох, сколько нынче за ночь натекло
На улицы холодного тумана —
Не видно солнца. Все вокруг бело,
Загадочно и призрачно-обманно.
Вот рядом контур каменной стены,
Бесцветный тополь стынет невесомо.
А дальше что? Лишь зыбкость пелены,
В которой все так скрытно, незнакомо.
Вокруг, в непроницаемости той, —
Моторов глуховатое гуденье,
Людей фигуры, смутные порой,
Проходят, как немые привиденья.
Ах, если б точно знать, туда ль идешь,
Простор перед тобой или преграда...
Туман всегда — как вкрадчивая ложь,
Скрывающая то, что людям надо.

ПОДСОЛНУХ

Что поник ты, мой подсолнух,
Золотою головой
Возле грядок полусонных
Над зеленою ботвой?
Не сгибай ты низко шею,
Прислонись ко мне плечом —
Я понять тебя сумею:
Запрустил, скажи, о чем.
Жалко семечки помалу —
Радость кровную свою —
Отдавать-дарить нахалу,
Дармоеду воробью?
Подлетит он, — мол, не трушу, —
И покоя не дает —
Прямо в душу, прямо в душу
Распроклятый вор клюёт!
Вижу, как тебе несладко.
Грусть твоя — как в горле ком.
Воробьиная повадка...
С ней и в людях я знаком.

* * *

Говорят, унижает, мол, жалость.
Унижать — не в натуре моей.
Только стал замечать я под старость:
Почему-то мне жалко людей...
Вот идет семенящей походкой
Очень старый седой человек.
Всей согбенной фигуркою, кроткой
Подтверждает: кончается век.
По ночам ему жутко, тревожно.
Сон пугает, по векам скользя...
И ничем тут помочь невозможно,
Ничего тут поделатъ нельзя...
Вот девчушка — живая фиалка.
В целый мир и в себя влюблена.
И ее мне, веселую, жалко.
Как беспечно смеется она!
Нынче юность ей щеки румянит,
Золотыми мечтами цветет.
Но мелькнет этот цвет
И увянет
В суете повседневных забот.

Вызывает внезапную жалость
Чуть приметная малость подчас:
Беззащитность, несмелость, усталость,
Поза, жест, выражение глаз.
Сам, бывает, страдаю,
И все же
Мне сдается — другому трудней.
Эта жалость на нежность похожа,
Что-то очень щемящее в ней...

„БЛАГОДАРЮ Я РУКИ ТЕ...“

* * *

Да, важно смолоду найти
В себе призвание к чему-то.
Найти и не сходить с пути,
Как ни пришлось бы в жизни круто.
Любого в мире что-то ждет
С дорог начальных, спозаранок:
Того — космический полет,
Другого — мир печатных гранок.
И если, чувствуешь, нашел
Свое и в жизни и в работе,
То, мастера обычный стол,
Ты тоже в творческом полете.
Наверно, тот и даровит,
Кто верен своему призванью.
Лишь дайте время — удивит,
Придет к достойному признанью.
Бездарен, видно, только тот,
Тщеславию преданный всецело,
Кто не своим путем идет,
Не за свое берется дело.

ВРЕМЯ

Как быстротечна времени река.
Как безгранична — нет конца ей, края.
Часы и дни, и годы, и века
Уносит та река, в себя вбирая...
Твое письмо получит адресат,
А уж оно — посланье из бывшего.
Три дня, а то и десять дней назад
Ложилось на листок за словом слово.
В них весть о чем-то, что уже прошло.
Тут настроенье то, что миновало.
Был ясный день или снежком мело,
Когда писал ты, —
Все прошедшим стало...
Читает человек твое письмо,
И невдомек ему в минуты эти,
Что время с ним беседует само
О том,
Как мимолетно все на свете...

* * *

Сердце вдруг заныло
Сладкой-сладкой болью:
То, что дружбой было,
Вспыхнуло любовью.
Вдруг, на удивленье, —
Раньше не бывало —
Девичье смущенье
Всем заметно стало...
Был ты другом верным,
Вдруг — у рожи белой
Поцелуем первым
Обожглись несмело.
В сердце — мир нездешний,
Весь пронизан светом.
Ты, весна, конечно,
Виновата в этом.
Ты глядишь так мило,
Ты волнуешь новью:
То, что дружбой было,
Вспыхнуло любовью!

* * *

Смолоду друг друга не жалели.
Принимая злой и гордый вид,
Мучились, бывало, по неделе
От случайных маленьких обид.
Нынче нас не разольешь водою.
Вот когда помолодеть бы вновь...
Очень жаль, что не одной тропюю
В жизнь вступают мудрость и любовь.

* * *

*Моей жене и подруге
Марии Ивановне*

Много в мире прекрасного,
С чем сравнить бы тебя.
Вроде солнышка ясного
Ты мне светишь любя.
Согреваешь улыбкою
Незначай, может быть...
И не будет ошибкою
Со звездою сравнить.
С той, что слушает клёкоты
Перелетных гостей —
Так порою далеко ты
От дороги моей...
Пусть всегда меня радуют
Солнце, звезды, цветы, —
Все же лучшей отрадою
Можешь быть только ты.
Без тебя я безроднее,

Чем стожок на лугу,
А с тобою сегодня я
Горы сдвинуть могу!
Гляну в очи — и легче мне,
Тверже, радостней шаг...
Вижу: сравнивать не к чему,
Ты прекрасна и так.
С чем тебя я ни сравнивай,
И о чем я ни пой,
Все, что в мире есть славного,
Все роднится с тобой.

* * *

Когда ты спишь, мне грустно почему-то.
Как будто далеко ты от меня.
Проходит за минутою минута,
Тоскливое молчание храня.
Беспомощная, маленькая вроде,
Свернулась, спишь. В квартире тишина...
Что делается в мире и в природе —
Не ведаешь, вся в сон погружена.
Не мне ли знать, как за день ты устала,
А на сердце тревожно — хоть буди:
Мне кажется, что жить ты перестала,
Что нет уже дыхания в груди.
И так услышать голос твой мне надо,
И так сильна душевная гроза,
Что ты и впрямь
От пристального взгляда
Приоткрываешь сонные глаза...

* * *

Как за шторкой,
За облачной дымкой
Скрылось солнце
В небесном окне.
Но, растаяв и став невидимкой,
Все горит оно
Там, в глубине.
Через зыбкое облако это,
Что над ним чуть приметно
Скользит,
Солнце ярко
Потоками света,
Как огонь через шторку,
Сквозит.
Вот сейчас ее ветер откинет —
И опять в этот мир,
Где весна,
Золотое сияние хлынет
Из открытого в небе окна!

...Вот и наши раздоры
Так зыбки.
Не поладим мы что-то —
И вдруг
От твоей задушевной
Улыбки
Все опять
Посветлеет вокруг!

* * *

Опять в саду цветет сирень...
Друзья! Мое вам пожеланье:
С любимой каждый новый день
Встречать, как первый день свиданья;
Не знать до старости разлук,
Оберегать сердца от скуки
И так ценить своих подруг,
Как будто завтра — день разлуки.

* * *

Есть видимость цветения,
А поглядишь на свет,
Красивое растение —
Обычный пустоцвет.
Есть видимость поэзии,
Но острый вкус, как нож,
Разрежет строчки резвые —
И в них проступит ложь.
Есть зло, добру подобное,
Но время лоск сотрет,
Покажет только злобное,
Когда придет черед.
И есть добро, похожее
На зло. Но жизнь и там
Проявит все хорошее,
Расставит по местам.
Советов поучительных
Не дам. Не обессудь.
Я сам ищу мучительно,
Где видимость, где суть.

НЕЗНАКОМКА

Как случилось, не знаю:
По утрам я привык
Примечать золотистый
Меховой воротник.
Ярко-красные губы...
Подведенная бровь...
Обменяемся взглядом —
И расходимся вновь.
Чем влечет незнакомка?
Выражением глаз!
Поглядеть в них подольше
Мне хотелось не раз.
О, когда б она знала,
Понимала сама,
Сколько света во взгляде,
И души, и ума!
Не с такими глазами
Превращать красоту
В украшеньё, в приманку,
Что видна за версту.

Вся косметика эта —
Грязь на чистом снегу...
Жаль, что правду такую
Ей открыть не могу.

* * *

Если выпадет счастье такое —
С человеком хорошим дружить,
Позабудь о беспечном покое,
Будет трудно и радостно жить:
Под дождем ли, под снежной порошей
Добиваться всей жизнью того,
Чтоб ценил тебя друг твой хороший
Точно так, как ты ценишь его.

РАДУГА НА СТОЛЕ

В. Г. Ульдиной

Простая женщина. В годах.
Но старость с ней не уживется:
Есть для нее родство в цветах
С тем, что поэзией зовется.
Уже второй десяток лет
Она, лишь вспыхнут клумбы ярко,
Традиционный свой букет
Несет мне — нет ценней подарка.
Свежи по-внешнему, чисты
Среди бумаг передо мною
Стоят осенние цветы,
Играя радугой земною.
Нежны — аж боязно дохнуть,
Не то что тронуть их руками.
Дохни — и могут упорхнуть,
Растаять легкими дымками...
Как праздник в комнату войдя,
Цветы зовут меня куда-то

От монотонного дождя,
От мглы вечерней без заката...
Благодарю я руки те,
Что вместе с чуткостью душевной
Причастны к этой красоте —
К цветочной радуге волшебной.

* * *

Мы ценим все, что сделано добротой,
Что для души приятно и для глаз —
Дворцы, стихи, художников полотна
Иль просто мебель в комнате у нас.
Чем лучше вещь, изделие, творенье,
Тем незаметней главное всегда:
Какое в это вложено уменье,
Какого это стоило труда.

О ПРОСТОТЕ

Обидно мне за простоту,
Иной в презрении ретивом
Ее обходит за версту
И называет примитивом.
За сложность ратует такой,
В нее лишь верит непреложно,
Не зная истины простой,
Что эта сложность часто ложна.
Абстракций красочных потоп
Увидят «тонкие» эстеты
И начинают морщить лоб,
Искать какие-то секреты,
Мол, сразу видно мастерство.
Тут что-то есть, хоть непонятно...
Да бросьте! Нет же ничего,
Одни бессмысленные пятна.
Стихи ли модные прочтут,
Где даже формулы меж строчек,
И снова ищут смысла тут,
В бреду без запятых и точек...

Увы, у многих нет родства
Иль дружбы с простотой природной,
Не с той, что хуже воровства,
А с той — высокой, благородной.
О, простота! С ней Пушкин рос.
Союз их крепок и надежен.
Она, как скромный свет берез,
И вместе с тем — как блеск из ножен.

КРАСНОРЕЧИЕ

Красноречивых люди уважают.
И часто грубовато, напрямик,
С восторгом восхищенье выражают:
Как хорошо подвешен, мол, язык!..
Но иногда во мне противоречье,
С которым я не в силах совладать:
А может быть, иное красноречье —
Привычка суть пустую прикрывать?
Где дать бы волю чувствам человеческим,
Пожать бы руку, взглядом ли согреть,
Таким холодным блещут красноречьем,
Что даже в тягость слушать и смотреть.
Устанешь от словесного потока —
И радостно, мой друг, побыть в тиши,
Где так порой значительно, глубоко
Немое красноречие души.

* * *

Какой хитрец придумал эту фразу:
Мол, скромность украшает дураков?
Кто скромных осуждает, ясно сразу,
Что сам-то он, конечно, не таков.
Прёт напролом, хоть бей его по лапам,
Да как еще нахально, нагло прет!
Берет свое, как водится, нахрапом.
А где не выйдет — ищет черный ход.
Пускай другой, мол, прячется за шторку.
Я на виду хочу быть, я толков!..
Большой хитрец придумал поговорку,
Что скромность украшает дураков...

* * *

Нет ничего безликого на свете,
На всем своя особая печать.
Невежество узнаешь по примете:
Оно безмерно любит поучать.
А у величья — скромное обличье:
На нем морщины черного труда.
И поучать не станет нас величие,
Лишь дать совет решится иногда.

* * *

Глядим назад, на юность золотую —
И жалко нам до горечи, до слез
Часов и дней, потраченных впустую,
Что на ходу скатились под откос.
Не оттого ль, что сделано так мало,
На сердце мудрость тяжестью легла:
О, если б юность знала, понимала,
О, если б старость умная могла!

ХЛЕБА

К солнцу подняты руками
Там, где крайняя изба,
Золотыми
Облаками
Уплывают вдаль
Хлеба.
Под березкою кудрявой
Колосок тихонько тронь —
Он сейчас такой шершавый,
Как крестьянская
Ладонь...

СПАСИБО СЕНТЯБРЮ

Как все-таки природа к нам добра!
Всегда есть у нее подарков гряда.
Зимою дарит вдоволь серебра,
Весною — света, летом — изумруда.
А только прозы с ливнями замрут —
Идет сентябрь, туманный на рассвете.
И золото, и свет, и изумруд
Он преподносит нам в одном букете!
...Сентябрь —
И хлебный шелест колоска,
И шум листвы зеленой
С желтизною,
И луч, и паутинка у виска,
И стол со снедью
Ягодной, грибною.
Бывает, смочет моросью зарю,
Но даже дождь — как ягоды в фуражку,
Как зерен звон!
Спасибо сентябрю,
Что он такой —
С душою нараспашку!

* * *

На поле пала тень,
Как дума на чело:
Что значит этот день,
Что есть добро, что зло?
Зачем рашу траву,
Что никнет под косой?
Зачем дышу, живу
Под солнцем и росой?
...И снова — синева
И жаркий блеск — в ответ:
Чтоб новая трава
Могла увидеть свет.
Чтоб дождь над ней блестел,
Как искорка в очах,
Чтоб жаворонок пел
В живительных лучах.
Чтоб кто-то здесь прошел,
Весь мир обнять готов,
И под гуденье пчел
Нарвал букет цветов!

**„...ВСЕ РОДНИЛИСЬ
ПЕСНЕЮ ПРОСТОЮ...“**

ПЕРЕВОДЫ

СТЕПАН ТОРБОКОВ *

ШОР-КИЖИ В МОСКВЕ

С детских лет в тайге живу,
По траве хожу...
Не во сне, а наяву
На Москву гляжу.
В шуме улиц, площадей
Горный человек,
Столько радостных людей
Не видал вовек!
Слышу бой твоих часов,
Словно сердца стук.
Не найду от счастья слов,
Онемел я вдруг.
Это ты, Москва, спасла
В праведном бою
От насилия и зла
Шорию мою.
Верь признаньям старика,

* Переводы с шорского.

Как самой судьбе:
Благодарен на века
Мой народ тебе.
За тебя в огонь готов
Каждый шор-кижи,
Лишь подай, коль надо, зов,
Слово лишь скажи!
Как поэт я, может, мал.
Ты прости, Москва,
Что от счастья растерял
Лучшие слова.

ДУША ЗОВЕТ

Душа зовет — не к дальним странам,
А к Алатау, чтоб опять
У ледников седым туманом
И вольным ветром подышать.
Зовет душа к речным истокам,
Туда, где шумный водопад
Летит сверкающим потоком,
Веселых брызг взметнув каскад.
Зовет к знакомой горной выси,
Где, вскинув гордые рога,
Марал уносится от рыси —
От хитроумного врага.
Хочу взглянуть на горностая
И ярость тщетную его,
Когда, капкан перегрызая,
Он, злой, не видит ничего.
Хочу туда, где соболю юркий
Рвет клочья птичьего пера.
Когда-то там считал ты шкурки
При свете яркого костра...

Ты стар. В желаньях мало толку.
И все же многое отдашь
За то, чтоб снова взять двустволку,
Закинуть за спину ягдташ...

ИЗБА

Жили мы когда-то в тесной юрте,
Разъедал глаза нам горький дым.
О порядке добром, об уюте
И не снилось родичам моим.
На земле и ели мы, и спали,
Темный люд, слепая голытьба...
Но однажды в мир тоски, печали
К нам шагнула русская изба.
С четырьмя углами и трубною,
Под тесовой крышей, с потолком,
Светлая, пропахшая сосною,
С теплым полом — шлепай босиком!
Стали наши юрты вроде пугал,
По сравненью с таким жильем.
Ходим в полный рост. В передний угол
Грамоты почетные кладем.
И душа поет, поет, как птица,
Радуетя солнечной судьбе;
И не может счастье уместиться
Даже в этой праздничной избе!

АВТОБУС В ТАЙГЕ

Там, где шорец, сгибаясь от кладки,
В темной чаще тропинку искал,
Мчит автобус по каменной глади,
По широкой дороге меж скал.
Поклонился мне кедр коренастый,
Ель махнула зеленым платком,
И Мрассу покоренная «здравствуй»
Прозвенела струей за мостом.
Вот береза, как тень привиденья,
Покачнулась, с пути сторонясь.
Отдыхаю на мягком сиденье,
Как какой-нибудь бай или князь.
Отдохнул за дорогу на славу,
Как по-русски сказать? Благодать!
Из окошка до гор Алатау,
До вершин их — рукою подать.
С этой горной дороги все дали
Стали ближе, виднее, родней...
Вон и город — огни засверкали,
Море теплых вечерних огней.

ТОЙ

Я на свадьбе недавно гулял,
Не один опрокинул бокал.
Захмелел — жениха удивил:
— А большой ты калым заплатил?
Вот уж было смешно молодым:
Про какой говорит он калым?
Видно, вспомнил бывшее житье.
— Мой калым — это сердце мое!
Любовался невестой жених,
Все, любуясь, глядели на них...
Но иной мне припомнился той.
Нет калыма — ходи холостой.
Это было, дружба, не во сне.
Это молодость вспомнилась мне!
Но вздыхать-горевать я не стал;
Поднял новый бокал и сказал:
— Пусть живет молодая чета
Много-много, не менее ста,
В шестьдесят чтобы им не хворать,
Чтоб и в семьдесят горя не знать.

И как матерью станет женā,
Пусть одна не грустит у окна,
Перед ней пусть шумит детвора,
За спиною — в излишке добра.

СНЫ

Не раз, не раз я вспомню жизнь былую...
Когда-то я, признаться верил снам.
Увижу, скажем, девушку целую:
— Отец! — кричу. — Удача будет нам!
Найдем сегодня соболя в капкане!
— Что видел ты?
— Красавицу одну...
И шли в тайгу мы, радуясь заране,
Глядь, вот и соболя. Как не верить сну?
Вода приснится — значит к непогоде,
Огонь костра — быть ведру на дворе.
А что еще мне, близкому к природе,
Могло тогда присниться на заре?
Я до сих пор бы верил в это чудо,
Но часто сны обманывали нас.
— Сегодня я два соболя добуду, —
Сказал отец однажды в ранний час.
Пришли на место — нет зверька в помине.
— Хозяин гор недобрый нынче к нам, —
Вздыхнул отец и по такой причине

Стал воздавать моление горам.
Он угостил их даже абырткою,
Но и назавтра соболь не пришел.
Хозяин гор, видать, махнул рукою
На следопытов. Ухом не повел...
Сильна во мне любовь к родному краю.
Он весь в огнях, неузнаваем, нов.
Что мне приснится ночью — я не знаю,
Но знаю: жизнь прекрасней всяких снов!

ПЕНСИОНЕР

...На пенсию уходит Якучи.
Хозяйка, попроворней хлопочи!
Гляди, уже друзья подходят к дому,
Стекаются, как шумные ручьи.
Да, много раз он слышал весен шум...
Покорно тих от невеселых дум,
Не торопясь подходит к гардеробу
И достает свой праздничный костюм.
Ну вот и ты у старческой межи,
Былой охотник, скромный шор-кижи.
Но почему так громко бьется сердце?
Поет оно! О чем поет — скажи.
О том, что есть у старости оплот —
Страна Советов, где любой народ
По одному сейчас живет закону,
Счастливо, вольно, весело живет.
А ну-ка, внучка, радио включи!
Пусть льются к нам кремлевские лучи
Правдивым словом, музыкой хорошей.
...На пенсию уходит Якучи...

Хлеб колышется, желтея,
В нем — комбайны-корабли.
Гладь красавца Енисея
Синью вспыхнула вдали.

НОВОКУЗНЕЦК — АБАКАН

Скрылся город в синей дали,
Поезд мчит на всех парах.
На восток по звонкой стали
Еду я в родных горах.
И бегут, гремят составы,
И спешат на нас взглянуть
Скалы — памятники славы
Тем, кто строил этот путь.
Вон Курле стоит, кивая,
Удивляется Эзреш:
Эй, громадина стальная,
Ты хоть нас-то не разрежь!
То минуем буераки,
То озерный сонный плес,
То в тоннеле в полумраке
Раздается дробь колес...
Тихо пятится чащоба.
Степь и сопки по бокам.
Из окна смотрю я в оба —
Скоро город Абакан.

КАРОЙ ЙОББАДЬ*

ЗВЕЗДОДУВЫ

В цехе с полумраком, полусветом
Звезд-шаров стеклянных целый рой.
Те рои, подобные кометам,
Словно в небе, реют надо мной.
Свет куда-то в полумрак несется,
Чтоб спокойно искорками лечь.
Посредине, как большое Солнце,
Пышет желто-огненная печь.
Радостно смотреть на все на это,
С пристальным вниманием следя,
Как на трубке новая планета
Вспыхнет, на орбиту уходя.
Вот бокал, еще слегка пурпурный,
Словно в нем лучистое вино,
Вырастает формою ажурной,
Стал он тем, чем стать ему дано.
В полутьме, дающей отдых глазу,
Человек, всему дающий стиль,

Выдувает то кувшин, то вазу,
То пузато-толстую бутылку.
Тишину вопросом не нарушу,
Понимаю я и так ее:
Человек вдыхает свою душу
В каждое изделие свое.

* Переводы с венгерского

МОСКВА

Ты не только город тот, куда
Отдыхать приходят поезда,
Где полмиллиона пассажиров
Сходят в этом бурном центре мира,
И откуда столько же спешат
В край родной, на Родину, назад,
Увозя с собой к любой земле
Свет дворцов и звезды на Кремле,
Увозя Садовое кольцо,
В Мавзолее Ленина лицо,
Поцелуи, гул людского шума
И водоворот большого ГУМа;
Ты не только песня и оркестр,
Место учреждений, министерств,
Ты не только храмов древних тишь,
Где порой, как вкопанный, стоишь.
Нет, не только это — ты, Москва.
Ты еще иным в сердцах жива.
Ты — святое огневое знамя,
Бьющее в сухую землю пламя,

Знамя, где девизом, как копье:
Уничтожить в мире все старье,
На огне страданья и мученья
Закалить иные поколения.
О, родство икон и звезд Кремля,
Космонавтов мудрая земля!
Раствори во мне мою печаль,
Помоги увидеть жизни даль.
Пусть увижу чудо, обрету
Истинного друга доброту,
Друга, что поймет меня без слов,
Что обнять, как брат, меня готов..
Я уже не юн. Мне сорок пять.
Продолжайся, жизни благодать!

СВЕТ И ПЛАМЯ

...И снял очки я, взятые взаймы,
Подумав про себя: зачем мне это?
Зеленовато-желтоватой тьмы
Прекраснее, живей потоки света.
Казалось, что сквозь те куски стекла
Увижу мир красивым. Зablужденье!
Пугающая мгла в глаза текла.
Лишь без очков пришло ко мне прозренья.
Люблю я свет, от света сердцем пьян.
Необходимо в жизни для полета,
Чтоб ни любовь, ни прозный ураган,
Процеженными не были сквозь что-то.
Не по душе мне мир, который тих.
Пусть сразу, не тайком, не постепенно
Вздымается до самых губ моих
Всех бурь земных вскипающая пена.
Когда-то лес я вырубал в мороз.
Был снег глубок, мороз невыносимым.
Но снегом я, как панцирем, оброс,
И стал с тех пор для бед неуязвимым.

Люблю не то, что шепчет и жужжит.
Не колосок мне нужен — море хлеба.
Пусть хор поет, пусть музыка звучит,
Пусть ливень злой обрушивает небо...
Я пламя в Революции ценю,
Горящее победно и тревожно.
И коль не верен я его огню,
Сгорю я в нем и сам, как все, что ложно.

ЗВЕЗДЫ, ЗВЕЗДЫ...

Как над долиною два горных мыса,
Два чабана привстали над столом.
Два кубка, что наполнены кумысом,
В руках их были. Но они вдвоем,
Как где-нибудь на утренней побудке
При блеске первых солнечных лучей,
Вдруг заиграли весело на дудке
Мелодию, что славит здесь гостей.
Мелодию старинную, что правит
Обычаями, бытом. И права.
Мелодию, что пастбища их славит,
Где негустая, добрая трава.
На ней паслась и козочка вот эта,
Которой было вольно на земле,
Которая скакала в бликах света
И стала нашим блюдом на столе.
И кончилась та песня, словно чудо,
И кубком вдохновенья в тот же миг
Пошло по кругу дальше это блюдо,
Юнцу передавал его старик.

Дошло оно до польского поэта.
Поет поэт, держа его в руке.
И зазвучали песни в знак привета
На русском, на болгарском языке.
Я тоже встал. Я видел одобренье
На лицах всех. Уж если слово тронь —
Найдешь в нем всех связующие звенья,
Ведь в песнях наших есть такой огонь!
Я огляделся. Что мне спеть сегодня?
Вдали горела яркая звезда.
О звездах буду петь... Я блюдо поднял,
Запел, про что подумалось тогда.
О, звезды!.. И глаза родные вижу,
От них мой голос крепче стал, сильней.
Сияйте!.. И мой голос выше, ближе,
Понятней для любого из гостей.
Пел чужеземец с длинными усами,
И знаю: песнь кочевничью мою
Все принимали добрыми сердцами
Совсем не как чужую — как свою.
Я пел про степь под солнцем и луною,
Про небо, все в созвездьях золотых,
И все роднились песней той простою,
Как песней прародителей своих.
— А хорошо бы много дней, без счета
Так, в мире жить, — промолвил кто-то вдруг.
— От нас зависит. От кого ж еще-то?..
И на плечах моих — десяток рук.

ПЛАЧ ПО ТЕБЕ

«Ну все, конец», — решил я, не скорбя.
Уж много дней не думал про тебя.
Хожу я, одинокий в своей судьбе,
И по ночам тянусь я не к тебе.
Но вот вчера, задумчивый, нелозкий,
Я замер на трамвайной остановке,
Где столько нам прощаться довелось
(Прощались чаще). Как могу я врозь?
Казалось, проживу я не любя.
Нет, вижу, не прожить мне без тебя.
Не вытравить из сердца своего
Ни слов твоих, ни взгляда — ничего.
Смотрел на пустоту меж рук своих,
Давно ли ты была, родная, в них?
Я был в снегу, весь, с головы до ног,
Но охладить меня тот снег не мог.
Я был как лава. И капель, слепя,
Оплакивала, нежную, тебя.
И только ветер, полный злобных сил,
Потери ветер сердце леденил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Рабом я не был, скованным жестоко,
С сумою не стоял в чужих дверях,
Я не лежал за проволокой с током,
За той, колючей, что в концлагерях.
Признаюсь вам открыто, без утайки:
Не спал в конюшне возле лошадей,
Не слышал свиста хлесткого нагайки,
Не слышал свиста палки с детских дней.
Я жил не так. Ходил, куда хочу я,
Не спрашивал, как жить, ни у кого.
И все ж: «Освобожденье!» — говорю я.
Освобожденье? От кого? Чего?
Вот так Фома Неверующий может
Спросить меня. Что я ему скажу?
А кто освободиться мне поможет
От многого, что я в себе ношу?
Я скован — пусть злорадствуют невежды! —
Когда, своею близостью дразня,
Какие-то мечты мои, надежды
Не могут сбыться лишь из-за меня.

Как будто за железной я решеткой,
Когда гляжу, краснея без причин,
Как кто-нибудь с приниженностью кроткой
Гнет спину, коль пред ним повыше чин.
Фоме понять доступно то едва ли,
Что хоть меня не били никогда,
Но если батрака где избивали —
По мне хлестали плеткой господа.
И вот я говорю: «Освобожденье!»
Его желаю нынче всем другим.
Чтоб не было людей, что сходны с тенью,
Чтоб Человеком быть, ни чем иным.
Для счастья, для любви, для вольной жизни
С земли, с колен до славной высоты
Я нынче поднят крыльями Отчизны,
Со мною вместе подняты мечты.
Теперь лишь (уж давно в траве окопы,
А было — «мессершмитт» вверху кружил)
Я вижу, что я жил на дне Европы,
Я понял вдруг, в какой я бездне жил.
В дворцах архиереи и бароны
Уже не торжествуют праздник свой.
Их сбросили с насиженного трона
На свалку. Мир сейчас совсем иной.
«Освобожденье!» снова восклицаю.
Пусть жизнью человеческой живет,
Как мы живем, народ любого края,
Свободный, гордый
Всей земли народ!

**„СЕЙ ВОПРОС,
КАК ТАКОВОЙ...“**

ЭПИГРАММЫ, БАСНИ, ПАРОДИИ

МАГИЯ БУМАГИ

Беда не в том, что приобрел
Диплом какой-то там Осёл,
А в том, что, глядя на диплом,
Уж не зовут Осла ослом.

ЛЮБИТЕЛЬ ДИСКУССИЙ

Речь начнет — не поймешь ничего;
Кто не мил ему, кто ему дорог:
Ограждает сужденья его
Частокол оговорок.

СОАВТОР

— Как он в соавторы попал?
— Да так. Одно изобретенье
Внедрять в работу не мешал.
А это — тоже достижение!

ПУСТОБРЕХ

Прибыл с лекцией в совхоз
Некий дядя — и понес:
— В смысле диалектики,
Нормативной этики
Сей вопрос, как таковой,
Будет базой силовой
Для стабилизации
И консолидации
Всей кооперации...
Перевел он дух, затем
Бросил строго: — Ясно? Всем?
Не стерпел какой-то дед —
В том же духе дал ответ:
— Видишь... Так-то оно так
И не как-то либо как.
Ну, а что касательно,
То необязательно,
Хоть и применительно,
Страсть обременительно.
В общем, относительно

Мало нам пользительно.
Да... Оно бы и не надо,
Ни к чему, а доведись —
Завсегда, конечно, рады...
Ясно молвил я, кажись?

ЗАЯЧИ ПРОМАХ

Был подхалимом Заяц лопухий.
И вдруг себя повел он в новом духе:
Начальника Медведя под орех
Разделал на собрании при всех.

Грудь у Зайчишки колесом!
Все говорят с почтеньем о Косом...

Однако где же взял он храбрость эту?
А дело в том, что день назад
Лиса ему шепнула по секрету:
— Медведь проштрафился... Он будет
снят...

А вскоре Заяц убежал в леса:
Насчет Медведя... наврала Лиса.

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ МЕДВЕДЬ

Один Медведь номенклатурный
На «Главмалину» брошен был.
Добро! Устроился недурно —
Он с детства ягоду любил.
Свой особняк,
Своя машина
И кабинет с окошком в сад,
Где эта... разлюли-малина,
Где груши, яблоки висят...
Дела идут, контора пишет.
Медведь от жиру еле дышит.
Вдруг... словно с неба, — ревизор!
Растрата крупная... Позор!
Как быть с Медведем?
Или — или...
Но вышло все-таки одно:
Его немножко пожурили
И переслали в «Главвино».
И вновь живет, как жил когда-то.

Своя машина, особняк...
А вскоре — и новая растрата.
Начальство в гневе: — Как же так?
— Что как? — бормочет он, икая, —
Тут не моя... ик... ик... вина.
Я спирт, конечно, потребляю,
Но не беру я в рот вина!
...Недавно стало нам известно:
Медведь посажен.
Да!.. В «Главмед».
Живет по-прежнему чудесно:
Сосет... не лапу, брагу пьет.

Мне скажут: — Старый разговор!
Но — Мишка в холе до сих пор...

ПОПУГАЙ

Пришла мыслишка Попугаю
По-соловьиному запеть.
В тот час, от скуки изнывая,
Шатался по лесу Медведь.
— Послушай, Миша! — крикнул
Попка. —

Могу я петь, как Соловей? —
И захрипел. Вначале робко,
Потом все громче и смелей.
...Медвежьим словом окрыленный,
Наш Попка — прямо к Соловью:
— О, гений, Музой вдохновленный,
Скажи мне, ладно ль я пою?
Что ж Соловей?
Повремените
Искать разгадку всех задач.
Он был в те дни как раз в зените
Своих успехов и удач.
А потому хрипенья Попки
Почти не слышал. Но сказал:

— Давай-ка выпьем, брат, по стопке.
Эх, как я счастлив, кто бы знал!
С тех пор пернатым нет прохода
От Попугая-болтуна.
Хотя прошло не меньше года —
Твердит с рассвета дотемна:
— Мне руку жал певец известный
На зависть жителям лесным.
Я с ним — учтите — в дружбе тесной,
Я даже выпил как-то с ним! —
Сам Соловей про Попугая
Давным-давно уже забыл,
А тот вопит, не умолкая:
— Он руку жал мне! Я с ним пил!

Мораль? Какая ж тут мораль.
Нам Попугая просто жаль.

КАК НАПИСАЛИ БЫ МОИ ЗЕМЛЯКИ-ПОЭТЫ

...О новогодней елке:

Виктор Баянов

Все в снегу село родное.
Навалило за ночь как!
Чудо хвойное, лесное
Я привез на саночках.
Вся родня, встречая сказку,
Ей поклон отвесила,
Елка всем в ответ на ласку
Улыбнулась весело.
Разведенкой молодою
В горнице красуется...
Ветер воет за стеною,
Рвется в окна с улицы.
Но стоит она, сверкая,
Уж такая баская,
Ненаглядная такая
И нарядная такая,
Елочка кузбасская!

Евгений Буравлев

Ты к елкам комнатным привык,
И рад ты им всегда.
А я скажу тебе, старик,
Все это ерунда.
Я никогда б не променял
На эту мишуру
Таежный лес, где аммонал
Начнет свою игру.
Рванет — и нету ни куста,
Скала взлетает вверх!
Вот это, знаешь, красота!
Вот это фейерверк!
Даешь дорогу поездам!
Брысь, и медведь и рысь!
...А елок-палок этих там —
Полно, хоть завались.

Владимир Измайлов

У елки — шум. Лишь я один притих,
Не слыша криков с хохотом бесовским,
Сию, молчу, обдумываю стих,
Свой новый стих
С подтекстом философским.

...В лесу родилась елочка, жила.
Над ней мерцала ночью звезд холодность.
Но вот ее топор или пила
Сразили. Наступила безысходность.
Сейчас, в огнях, так празднична она!
А уж душа ее — во тьме, в нирване.
И неизбежность ждет ее одна,
Которую предвижу я заране:
На днях хозяин встанет, засопит,
Возьмет ее и, выйдя, в снег уронит...
Под ветром дрогнув, елка закрипит —
Почудится, что человек застонет...

Валентин Махалов

Если останусь совсем один,
Знаю: к блеску огня
Елочный праздничный серпантин
Властно потянет меня.
В чей-нибудь дом я тихо войду,
Елки найду красу,
Сердца трепетную звезду
В ладонях ей поднесу.
Меня, одинокого дикаря,
Она не прогонит, нет.
Огненно-рыжей копыной горя,
Будет дарить мне свет.

Не оставаясь в долгу (поймет
Елка мою мечту!),
Новый — с шорского — перевод
Ей с огоньком прочту.

Геннадий Юров

Я ближние елки не трону —
Люблю я свои берега.
Найду и срублю без урону
Вдали, где глухая тайга.
Во все молодое влюбленный,
К родному вернусь рубежу
И елочку, факел зеленый,
Своим берегам покажу.
Пусть смотрят березки на левом,
На правом сосенки глядят.
Я всем им, живым королевам,
Сказать что-то доброе рад.

О ВЕСНЕ

Владимир Матвеев

Я о весне сказал бы кратко:
Она мне вовсе не сестра.
Весна, конечно, бюрократка,
Поскольку хмурится с утра...

Василий Федоров

Весна! Да это ж высота,
С которой виден день грядущий.
Целуй любимую в уста,
Живи до ста, вперед идущий!

Что о себе сказать самом
Пооткровенней и попроще?
Весной я — на «Небе седьмом»,
Весной я — словно в «Белой роще».

Александр Пинаев

Лишь снега сойдут ручьями в балку
У меня — особенный настрой:
Я спешу рысцою на рыбалку,
Как спешил на милый Кузнецкстрой.

Ничего в пути не замечая,
Прямиком шурую по грязи...
Здравствуй, здравствуй,
Речка голубая,
Где клюют метровые язи!

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО ВЕЛИКИХ

Я живу в Бакуриани.
Сладко щурюсь после сна...
Евгений Евтушенко

Жил А. Пушкин на Кавказе.
Вдохновение копил.
Принимал, наверно, грязи,
Может быть, боржомом пил...
И. Тургенев жил в Париже,
Чехов — в Ялте, это ближе,
Л. Толстой — в своей Поляне.
Каждый где-нибудь да жил...
Я живу в Бакуриани,
И про это стих сложил.
Про красоток смуглоликих,
Про печальный звук зурны...
Местожителство великих
Знать читатели должны.

ПЕРЕСОЛ

Соль моя! Мелкая... крупная... градом...
Спутница жизни, жена и сестра!

Виктор Боков

Спутницей жизни, сестрою, женою
Мудро назвал я обычную соль...
Голос соседки звучит за стеною,
Будто бы отзыв-ответ на пароль:
— Сахар мой, сахар! Как нужен ты к чаю!
Сахар мой, сахар! Песок, рафинад.
Просто души в тебе, милый, не чаю,
Спутник всей жизни, мой муж и мой брат!
— Что сочиняешь ты с боку припёку? —
Слышу я голос ее муженька.
— Это не я сочиняю, а Боков,
Я переделала только слегка.

ПОПРОБУЙТЕ...

И захотелось тут же разбежаться
И сразу прыгнуть выше головы...
Весь Шар Земной я на спине ношу...
Я в России рожден. Родила меня мать...

Сергей Островой

Хочу я прыгнуть выше головы,
Который год пытаюсь, но — увы...
Пусть критики смеются надо мной,
Я новую загадку вам подкину:
Ногами упираясь в шар земной,
Попробуйте взвалить его на спину.
Не сможете! Уварен в том, друзья,
Как в том, что не в капусте найден я.

ДОГАДАЙТЕСЬ!

Смотрит Марс горящим оком
На притихшего меня.
Смотрит, как дымы клубятся
От костра на берегу,
Будто хочет догадаться,
Что я выкинуть могу...

Валентин Махалов

Марс мерцал дремотно, пресно...
Смотрит: я на берегу!
Очень Марсу интересно,
Что я выкинуть могу!
Разогнал рукой туманы,
Жарким оком стал остер:
Может, я, как встарь шаманы,
Сигану через костер?
Может, встану на ходули?
Может, шпагу проглочу?
На карачках поползу ли?
Над рекою ли взлечу?

Ну, а может, я — вприсядку,
Или твист хвачу как раз?
Ну-ка, кто решит загадку:
Что я выкину сейчас?

Я И ЭПОХА

А у той ли у девицы
В ручках яблоко-ранет.
Не успеешь удивиться,
Как пойдешь за нею вслед...
Но зовет меня эпоха...

Игорь Киселев

Я уж взрослый, а не кроха.
За девицей бы — не прочь.
Но зовет меня эпоха
Ей в делах больших помочь.
И не хочешь, да поможешь.
Гляну, хлопну по плечу:
— Как живешь, эпоха, можешь?
— Все, как видишь, хлопочу,
Но то здесь, то там проруха.
Трудновато мне одной...
— Ничего. Не ной, старуха.
Говорю тебе: не ной!
Трудно? Что за разговоры,
Если мы теперь вдвоем.

Мы с тобой своротим горы!
Даже спляшем и споем.
Ошибешься где — поправлю,
Подскажу: не так, мадам.
И в стихах тебя прославлю.
И пропасть тебе не дам.
Нам с тобой да не ужиться?
Видишь — рядом я стою.
Можешь смело положиться
На поддержку на мою...
— Вот уважил, вот спасибо.
Рада душенька моя.
Будто с плеч свалилась глыба.
Без тебя пропала б я...

СНОВА — НОВО

Водопадствуя, водопад
низвергается, как низзерженный,
самолетствуя, самолет
прорывается в тучи встречные,
океанствует Океан,
горизонствует горизонт...

Семен Кирсанов

Я люблю необычный стиль,
Где с ног на голову все ставится.
Старомодное — в пыль, в утиль!
Пусть новаторство пьедесталится!
Я новатор. И есть. И был.
Новизной опьянен пьянительно...
Динамичный «Динамо» пыл
Восхищал меня восхитительно.
Но не в том уже темпе он,
Грозный клуб. Что-то мяч артачится...
Пусть же новый наш чемпион
Не портачится,
А «спартачится»!

Разудалая даль земли!
Мир все ширится, а не узится.
Даже в космосе корабли
Новизной групповой «союзятся».
...Критиканствуют остряки,
Будто музой порой шаманствую.
Просто я, виртуоз строки,
По-кирсановски всласть кирсанствую!

НЕ ЕЗДИ ГЛАЗАМИ

Никогда, ни по зелени свежей,
Ни на лунную глядя между,
Никогда я глазами не езжу —
Я глазами пешком прохожу.

Аркадий Рывлин

Друг-читатель! Мы станем друзьями.
Но чтоб было все, как у друзей,
Ты по строчкам не езди глазами,
А пешочком, шагочком глазей.
Пусть не скачут глаза что есть мочи
По странице лихим рысаком.
Ну, а чтоб не мозолились очи —
Разувай их, шагай босиком.

НА ЯРОСТНЫЙ МАНЕР...

На яростных вершинах красоты...
Их руки яростные клали...
Но яростный в деле рыбак...
Весна, такая яростная в деле...
Для тех сибирских яростных галактик...
И яростным дыханием ветров...
Глухая, ярая от ветра...
В яростном смещенье...
Иль ярого и властного пера...
Характером суров он был и яр...
На заборе яростный петух...
Гнездится рожь на яростной земле...
Все тем же яростным манером
Лишь сплунет зло...

Анатолий Поперечный

Покуда яростно вы спите
В потемках ярых, как во рву,
Я мчусь по яростной орбите
И звезды яростные рву.
Поскольку я рожден поэтом,
Я — недруг ярый злему сну,
Лишь перед яростным рассветом

Я часик яростно вздремну.
Я вижу яростные цели,
К которым яростно идем.
Мой современник, ярый в деле, —
Он в сердце яростном моем.
Он, полный яростного жара,
Готовый в яростный полет,
Дома и домны строит яро
И яровые яро жнет.
Ярится юность. Яра старость.
Мне яро светит ремесло...
Читатель, что ж пришел ты в ярость
И сплонул яростно и зло?

БЛЕСК И ТРЕСК

Не зря ведь тычется спросонок
в глухую ставень, как теленок,
лучом
упавшая звезда...
и где упавшая звезда
похрустывает на капусте...
звезда красна, как ягода...
и почкой вдруг расколется звезда...
и даже заря надо мной не выводит
звездочки, будто белых зайчат...
то ль звездочки летят, как гуси...
сыплется на волны звездный джут...
Так падайте пургою, звезды!

Владимир Цыбин

Как российский сельский колорит
Создаю я? Очень даже просто.
Я беру слова: избушка, скит,
Тын, овин, колодец, воз, береста.
Нет деревни, скажем, без телка,
Без коня, без сена и коровы.
Нет без банной полки (Что? Полка?),
Нет без хлеба, веялки, половы.

А еще — роса на лопухах,
Ягоды, грибы у перелеска.
Но всего важней в таких стихах —
Звезды! Для красоты, для блеска.
Пусть от звезд по строчкам хруст и треск!
Пусть спелят пургою-мишурою!
Так люблю я этот звездный блеск —
Что звездой себе кажусь порою.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Я знаю по себе:
Бывало, купишь новые ботинки,
И хлынет из тебя, как молоко из крынки,
Приязненная страсть
К любой чужой судьбе.

Леонид Завальнюк

Вся суть в вещах, не в чем-нибудь другом.
Идешь в сорочке новой утром рано,
И хлещет из тебя —
Точь-в-точь вода из крана —
Любовь к тому, кто был вчера врагом.
Как вкусно пахнет новенький отрез!..
А на каком-то жизненном этапе
Ты шляпу купишь —
Сразу дело в шляпе:
К любой чужой судьбе щекочет интерес.
В потертых брюках разве ты поэт?
Нет, все твои мечтанья и надежды
Зависят лишь от обуви, одежды,
От запонок изящных и штиблет!

ГЕНИАЛЬНЫМ НЕ ВЕЗЕТ

Член редколлегии хорошего журнала
Наговорил хороших слов немало:
— Глазков, ты, безусловно, гениален,
И стих твой самобытен, не банален!..
Он лучше б слов не говорил пустых,
А напечатал самобытный стих.

Николай Глазков

И старые друзья, мои коллеги,
И критики, и члены редколлегии
Твердят одно мне — я уже не рад:
— Ты самобытен, гениален, брат!
Молчу. Не затеваю словопрений,
Поскольку сам уверен, что я гений.
А толку? Самобытный стих в журнал
Вновь почему-то так и не попал.
— Так где ж, — кричу редакторам
журнальным, —

Печататься поэтам гениальным?
Я — цвет литературы наших дней!
Нельзя ж играть на скромности моей!

ВПЕРЕДСМОТЯЩИЙ

В речке будущие шпроты
притушили рыбий глаз.

Глеб Горбовский

Вот гремят на ферме ведра.
Из-под рук Анфис, Глафир
Бьет в подойник звонко, бодро,
Хлещет будущий кефир.
Развалясь вблизи буренок,
Лишь собой увлечена,
Нежно хрюкает спросонок
Будущая ветчина.
Полный гордого задора
Оттого, что шибко глуп,
Кукарекает с забора
Будущий куриный суп.
Вон видны рога барана.
Ничего он не постиг:
Беззаботно, как ни странно,
Бродит будущий шашлык.

Водка кланяется кротко
Спелым полем ячменя...
Будет пиво, будет водка,
Будет закуска у меня!

БЛАЖЬ ПОНЕВОЛЕ

Мне знать бы правила сложенья,
И я бы циферки слагал,
Не знал бы блажи, дрожи, жженья,
Не клял, не славил и не лгал.
Пишу. Но мой удел не числа...

Дмитрий Сухарев

Мне знать бы правила сложенья!
Но я не знаю их, увы.
И оттого-то дрожью, жоженьем
Охвачен с ног до головы.
Не лгал бы я, не клял, не славил,
Да что поделать я могу?
Из-за незнанья этих правил
Кляню и славлю, даже лгу.

„ЭГЕ“ НА СЕЛЕНГЕ

Э-ге-гей вы, берега!
Небеса, вы — э-ге-гей!
Э-ге-гей ты, Селенга!
Облака и ветровей!..
Слышишь,
Слышишь, Селенга!
О-го-го-го!
А-га-га!

Дмитрий Смирнов

Шел я лугом... Дед Аггей
Окликает:
— Э-ге-гей!
До Аггея — два шага.
— Сочиняешь [все]?
— Ага.
— Все про нашу Селенгу?
— Про нее, отец. Угу..
Сели мы на берегу.
— Почитал бы что!
— Могу.

Только начал — у него
Брови кверху:
— О-го-го!
Дочитал я, слышу вздох:
— О-хо-хох ты, о-хо-хох!
Рядом, в зарослях ольхи,
Птичка прыснула:
— Хи-хи!
И, встревожив берега,
Гуси дружно:
— Га-га-га!
А в лугах — звучней всего —
Покатилось:
— И-го-го!

Содержание

«Былое и грядущее — все рядом»...

Россия	7
Ровесникам	8
Золотая осень	11
Это был коммунист	23
Русский поклон	25
Родные проселки	27
На передовой	29
Вечный огонь	31
Луна	33
Свет в окне	35
Родное	37
«Нет мысли, думы, чувства ли такого...»	39
Шахтерская мать	40

«Пока завидовать умею...»

«Придет весна — мы думаем о лете...»	43
Весеннее	44
Апрель	46
Майский снег	47
«По весне, когда благоуханно...»	48
Гроза	49
Ягоды	51
Митю видел?	52

Колосок	53
Перепелка	54
Соседка	55
«Как легко, как звучно, бодро, весело...»	56
Стога	57
Сельским девочкам	59
«За селом, где стога...»	60
Ручей	62
Рождение песни	63
«Уже давно он признан нами...»	65
Опыт жизни	66
«О чем-то мне подумалось когда-то...»	67
«Да, всякая бывает зависть...»	68
Запоздалая выюга	70
Кленовый листок	72
Прохожий	74
Дружок	75
«Нет личности, похожей на другую...»	76
Паровозный гудок	77
Туман	79
Подсолнух	80
«Говорят, унижает, мол, жалость...»	81

«Благодарю я руки те...»

«Да, важно смолоду найти...»	85
Время	86
«Сердце вдруг заныло...»	87
«Смолоду друг друга не жалели...»	88
«Много в мире прекрасного...»	89
«Когда ты спишь, мне грустно почему-то...»	91
«Как за шторкой...»	92
«Опять в саду цветет сирень...»	94
«Есть видимость цветения...»	95
Незнакомка	96

«Если выпадет счастье такое...»	98
Радуга на столе	99
«Мы ценим все, что сделано добротой...»	101
О простоте	102
Красноречие	104
«Какой хитрец придумал эту фразу...»	105
«Нет ничего безликого на свете...»	106
«Глядим назад, на юность золотую...»	107
Хлеба	108
Спасибо сентябрю	109
«На поле пала тень...»	110

«...Все роднились песнею простою...»

Переводы

СТЕПАН ТОРБОКОВ (с шорского)	
Шор-кижи в Москве	113
Душа зовет	115
Имба	117
Автобус в тайге	118
Той	119
Сны	121
Пенсионер	123
Новокузнецк — Абакан	124

КАРОЙ ЙОББАДЬ (с венгерского)	
Звездодувы	126
Москва	128
Свет и пламя	130
Звезды, звезды	132
Плач по тебе	134
Освобождение	135

«Сей вопрос, как таковой...»

Эпиграммы, басни, пародии

Магия бумаги	139
Любитель дискуссий	140
Соавтор	141
Пустобрех	142
Заячий промах	144
Номенклатурный медведь	145
Попугай	147
Как написали бы мои земляки-поэты	149
Местоительство великих	155
Пересол	156
Попробуйте	157
Догадайтесь	158
Я и эпоха	160
Снова — ново	162
Не езди глазами	164
На яростный манер	165
Блеск и треск	167
Дело в шляпе	169
Гениальным не везет	170
Впередсмотрящий	171
Блажь поневоле	173
«Эге» на Селенге	174

Михаил Александрович
Небогатов

СПАСИБО СЕНТЯБРЮ

Редактор Л. В. Г л е б о в а
Художник Н. И. К о ф а н о в
Художественный редактор Г. И. К р а в ц о в
Технический редактор Г. В. А д о в а
Корректор Т. Е. Т р у с о в а

Сдано в набор 4.V. 1972 г. Подписано к печати 4.VII.1972 г.
Бумага типографская № 1 Формат 60X90^{1/32}
Усл. печ. л. 5,63 Уч.-изд. л. 4,13 Тираж 10000
ОП16608 Заказ 3550 Цена 44 коп.

Кемеровское книжное издательство.
Кемерово, Ноградская, 5
Полиграфическое объединение «Томь».
Кемерово, Ноградская, 5